

Лицо Пэй Яо полностью зажило, и на нем больше не осталось следов от былых побоев — оно снова стало гладким да пригожим, и лишь на спине еще виднелись едва заметные синяки.

Чэнь Чжи перевел взор на разложенный кусок ткани, провел кусочком угля по отмеренным линиям, а после с холодным видом отложил линейку и уголек на стол.

— Чего вскинулся? До этого дела еще ох как далеко, — промолвил он со скрытой усмешкой в голосе.

Стоило завести речь о женитьбе, как папа волей-неволей вспоминал беспутный поступок сына. И пускай Чэнь Чжи искренне желал предать то дело забвению, но Пэй Яо своими расспросами снова разбередил ему душу.

Впрочем, парень и сам предвидел, что ласки от родителей ждать не придется. Он не ушел сразу, а потоптался немного у порога и упрямо добавил:

— Чанся уже в года вошел, да и я не дитя малое. Коли в нынешнем году свадьбу не сыграем, так в следующем-то точно надобно...

— Полно тебе, — оборвал его Чэнь Чжи.

Папа и сын какое-то время молча мерили друг друга взглядами. Пэй Яо упрямо замер в дверях и уходить не собирался — ему во что бы то ни стало нужен был четкий ответ.

Чэнь Чжи утомленно потер переносицу и, сменив гнев на милость, уже без прежней суровости промолвил:

— Свадьбу сыграть да пир на весь мир закатить — на это, по-твоему, монет не надо? В нынешнем году не бывать этому, в доме денег нет. Покопим с год, а там, в следующем году, и видно будет.

Пэй Яо притих.

Воротившись к себе в комнату, он сел на край кана и замер в глубоком раздумье. Впервые в жизни сердце его сковала тяжелая забота о деньгах.

Кабы устроить приличный пир с добрым мясом да хмельным вином, расходов не оберешься — одного только масла для жарки целую большую крынку запасти надобно.

Ему исполнилось всего шестнадцать лет, и женитьба была делом важным, с каким он прежде никогда не сталкивался.

Пэй Яо отродясь не печалился о семейных доходах, но теперь, внезапно столкнувшись с нуждой и нехваткой монет, почувствовал, как на душе у него сделалось тяжело и пасмурно.

Поразмыслив так и этак, он вспомнил о своих собственных скромных сбережениях: коли собрать вместе все медные монеты да мелкие серебряные крохи, выходило от силы пять цзяней.

К тому же две синие синицы еще оставались при нем — за них можно было выручить около восьмидесяти вэней.

Это поначалу, когда умения у него было маловато, его поделки уходили за бесценок. Со временем же он так наловчился вырезать из дерева всякую всячину, что и сам втайне гордился своим мастерством.

Да и покупали такие забавные, но бесполезные в хозяйстве безделушки лишь те люди, у которых в кошельках водились лишние монеты.

Бывало, деревенские ребяташки, завидев деревянную птицу, принимались реветь да выпрашивать игрушку у родителей, но стоило старшим услышать цену, как они без лишних слов хватали чадо за руку и уводили прочь.

Встречались ему и такие покупатели, что округляли глаза и принимались браниться, будто поделка таких денег не стоит.

В таких случаях Пэй Яо либо вовсе не достаивал их ответом и поворачивался спиной, либо твердо стоял на своем, не уступая ни единого вэня. Словом, за бесценок свой труд он никогда не отдавал.

За каждую маленькую деревянную фигурку он неизменно просил по сорок вэней — это была его твердая, «установленная» цена.

До следующего года времени оставалось предостаточно. Коли вырезать по шесть птиц в месяц, то и доход выйдет около двух цяней. За десять месяцев как раз наберется без малого два ляна серебра.

Эти деньги он мог со спокойной душой оставить себе.

Ведь весь остальной доход — будь то плата за урожай с полей да огорода, выручка от продажи лесных припасов и целебных трав или монеты, что отец зарабатывал на речной пристани, — всё до единого вэня уходило в руки папы.

Парень вовсе не зарился на общие деньги: на пропитание да нужды большой семьи расходов требовалось немало, так что отдавать заработанное в общую казну было делом правильным и честным.

Погрузившись в эти унылые думы, Пэй Яо вдруг так и присел от озарения.

«Постой-ка, ведь у нас в доме есть сбережения, я сам от папы слышал!»

Никак не меньше десяти лянов серебра припрятано.

Семейство их владело десятью му земли. На одном му, где почва была победнее, они сажали хлопок, а на остальных девяти сеяли зерно. На заливных чеках собирали по одному урожаю риса в год, а на суходольных полях чередовали пшеницу с бобами, снимая по два урожая.

За вычетом летнего и осеннего поземельного налога оставшегося риса, муки и бобовой сечки с лихвой хватало, чтобы круглый год сытно кормить шесть ртов.

Овощи на столе тоже были свои, с огорода, а коли случался неурожай — всегда можно было набрать сочной дикой зелени в лесу. Словом, окромя свежего мяса, в еде недостатка они не знали.

Оттого и все сторонние заработки, коли жить бережливо да не бросать деньги на ветер, почти целиком оседали в закромах.

К тому же отец каждую зиму отправлялся в дальние края с бродячими торговцами, и коли в доме не случалось беды, эти торговые деньги никто не трогал.

Даже холст и хлопок на одежду они большей частью ткали сами.

Перед тем как ставить новую усадьбу, они расчистили от валунов пустошь за забором, вырубili дикий кустарник, и на этой просторной полосе земли посадили рами [китайская крапива, белое волокнистое растение, используемое издавна для изготовления прочной ткани].

Попутно пристроили там же парочку деревьев сычуаньского перца и с десятков побегов китайского тона [дерево (цедрела китайская), молодые пахучие побеги которого употребляются в пищу как деликатес].

Прежде-то рами у них росла за домом — клочок здесь, рядок там, всё как-то вразнобой.

Увидев, как споро соседи Пэй ровняют землю под посадку волокна и деревьев, живущая бок о бок семья Ян тоже поспешили прибрать к рукам пустующие земли со своей стороны. От бывлой лени не осталось и следа — мигом всё засадили полезными культурами.

В деревне Ваньэр исстари велось такое неписаное правило: коли между двумя усадьбами пустует земля, соседи делят её строго пополам.

Пэй Юва и Чэнь Чжи чужого добра не искали, но и своего уступать не любили. Они заранее обмерили каждый чинь земли, так что соседи, при всем своем желании, придраться не могли.

Словом, семейство их жило в полном достатке — и сыто, и одето.

Даже Чанся ухитрялся собирать в лесу целебные корни да дикие плоды, выручая за них несколько медных монет, которые оставлял себе на мелкие расходы.

Тут-то Пэй Яо и понял, что папа его попросту припугнул.

Поскольку он был единственным сыном, Пэй Юва и Чэнь Чжи ничего от него не таили и семейный приход-расход не прятали.

Просто папа, не желая так быстро соглашаться на свадьбу, нарочно прикинулся бедняком, а он, дурак, с перепугу бросился думы думать, как бы монеты копить.

Чанся с малых лет в их доме рос, имя его давно в подворные книги вписано, так что пир на всю округу затевать никто и не помышлял — справят скромно, среди своих.

Пэй Яо втайне облегченно вздохнул, сообразив, что папа всё еще сильно серчает на него и оттого не желает говорить правду.

В западных покоях.

Чэнь Чжи аккуратно кроил ткань по намеченным линиям. Он видел, как уныло поплелся прочь его сын, но удерживать не стал и промолчал.

Теперь, оставшись в комнате один и вспомнив мрачное лицо Пэй Яо, папа почувствовал, что гнев его мало-помалу утихает.

Конечно, он нарочно соврал парню. Кабы в закромах не водилось монет, он бы ни за что не стал одновременно и свадьбу сыну справлять, и приданое для приемыша готовить.

«Ишь, чего захотел, приткий какой! — подумал папа. — Но я тебе, негоднику, так просто потакать не стану».

Впрочем, тянуть с этим делом бесконечно тоже было не по уму — семье нужны рабочие руки да продолжение рода. Самое позднее в следующем году свадьбу сыграть придется.

К тому времени Чанся как раз исполнится двадцать лет — возраст для брака самый подходящий.

*

Масло на сковороде раскалилось, и Чанся аккуратно высыпал туда глиняную миску с личинками цикад.

«Шшш-цсс!»

От усердного помешивания палочками оболочка личинок покрылась золотистой корочкой, и по кухне поплыл аппетитный, ни с чем не сравнимый густой аромат. Юноша бросил щепотку соли, перевернул жуков еще пару раз и споро переложил их на широкое блюдо.

Предвечерний ветер больше не дышал полуденным зноем, принося приятную прохладу.

Обеденный стол и табуреты выставили прямо во двор.

Стоило Чанся вынести жареных цикад, как все блюда оказались в сборе.

Утром они с Чэнь Чжи выгодно сбыли полцзиня в городе, но штук двадцать личинок папа велел оставить дома, дабы побаловать своих.

Это было последнее такое лакомство в нынешнем году — теперь уж до следующего лета не попробовать.

На столе исходила паром миска со свежими хрустящими огурцами в уксусе, стояло блюдо с печеными баклажанами и чаша со слегка обжаренными ломтиками нежной тыквы-горлянки.

Чтобы досыта накормить шестерых едоков, среди которых был Пэй Яо, обладавший отменным молодым аппетитом, еды наготовили с лихвой — из пароварки достали целую плетенку горячих пышных лепешек из грубой муки.

Чанся устроился на скамье аккуратно между Чэнь Чжи и Доу Цзиньхуа, так что Пэй Яо оказался как раз напротив него.

Юноша чувствовал на себе пристальный взгляд названного брата, но поднять глаза не смел. Низко опустив голову, он палочками подцепил зажаристую личинку и отправил в рот: хрустящая снаружи и нежная внутри, она была приправлена как раз в меру.

Жареные цикады по вкусу неуловимо напоминали сочное мясо, оттого это блюдо опустело быстрее остальных.

Когда ужин подошел к концу, свиней в загоне тоже накормили, и солнце окончательно скрылось за вершинами холмов.

Чанся тщательно почистил зубы веточкой, ополоснул лицо, а остатками теплой воды заодно обмыл голени и натруженные стопы.

В полдень, воротившись из города, он, пользуясь жарким солнцем и минутной передышкой в делах, успел согреть воды, вымыть голову и полностью искупаться, так что устраивать долгую

вечернюю помывку ног нужды не было.

Подхватив деревянный таз, он направился было к своей комнате, как вдруг его негромко окликнул Пэй Яо.

Юноша с тревогой покосился на освещенное окно западных покоев. На лице его отразилось крайнее замешательство — он всё еще сильно побаивался гнева Чэнь Чжи.

В отличие от приунывшего и притихшего Чанся, Пэй Яо, по-видимому, обладал куда более толстой кожей. Погоревав несколько дней для приличия, он решил, что дело прошлое, и вернул себе былую уверенность.

Как бы папа ни серчал на него, из родного дома выгнать не выгонит, жить им всё равно под одной крышей, так к чему ходить с виноватым видом?

Пэй Яо негромко промолвил:

— Да не съем я тебя, чего испугался? Всего пару слов скажу. Я бы и при папе не побоялся это вымолвить.

Чанся пришлось остановиться. Он поднял голову, ожидая, что скажет названный брат.

Пэй Яо с самым серьезным видом произнес:

— Я сегодня с папой о нашей свадьбе толковал. В нынешнем году не выйдет, зато в следующем дело точно с места сдвинется.

Чанся удивленно захлопал ресницами и тихонько спросил:

— Стало быть, папа мне более не прикажет замуж на сторону идти?

— Раз уж такое дело вышло, как он тебя отдаст? — Пэй Яо почему-то слегка рассердился и, сердито зыркнув на него, добавил: — Я когда расспрашивать стал, папа про свадьбу на стороне и словом не обмолвился. Напротив, согласился он нас поженить. Просто серчает еще сильно, оттого в нынешнем году отказал, велел до следующего ждать.

Он подошел ближе и принялся наставлять Чанся:

— В следующем году тебе уж двадцатый пойдет, да и мне семнадцать минет. Как бы папа ни гневался, а против такого важного дела не пойдет, крушить судьбу не станет. К тому же семья у нас хоть и большая, а о маленьких детях тоже надобно загодя подумать, дабы род наш процветал. Неужто папа о внуках не печется?

— Коли и дальше тянуть, так ты что же — к двадцати пяти годам только первенца родить думаешь?

— Даже если в следующем году свадьбу не сыграем, так уж годом позже — это крайний срок. Папа затягивать не станет, будь уверен.

Выслушав эти подробные, разложенные по полочкам объяснения, Чанся наконец-то до конца уразумел мысль брата и облегченно перевел дух.

Один бог ведает, как сильно он страшился, что его выдадут замуж в чужую деревню! Мало того что людей тех он знать не знал, так самое страшное — они ведь с Пэй Яо уже целовались,

нарушив приличие.

— Так что ты не бойся, — вполголоса пообещал Пэй Яо.

Чанся прекрасно понял, о чем толкует брат. Не зная, что ответить, он лишь кротко кивнул головой, показывая, что всё уразумел.

Помолчав немного, Пэй Яо добавил:

— Что было — то прошло, нечего старое ворошить да думы черные думать. Ты ведь и сам того не желал. Погляди на меня — я уж и думать забыл. Побой я принял, так не зазря же мне спину дубасили! Живи как прежде, папа нас из дома не выставит.

Чанся и без того не отличался завидной полнотой, а за эти полмесяца и вовсе заметно осунулся. Пэй Яо видел это и понимал, что то срамное дело оставило глубокий след в душе названного брата.

Раз уж он сам кашу заварил, ему и ответ держать. Вот он и пошел разузнать намерения родителей, и теперь доподлинно знал: папа Чанся чужакам не отдаст.

Увидев эту бесшабашную, упрямую мину на лице брата, Чанся даже оторопел — до чего же у этого парня толстая кожа! На лице приемыша было яснее ясного написано: «Ну и бесстыдник же ты!»

Заметив это немое изумление, Пэй Яо лишь мягко улыбнулся одними уголками губ.

Сумерки сгустились в один миг. Пэй Яо промолвил:

— Ладно, ступай к себе в комнату. Выбрось всё из головы, нечего кручиниться. Я завтра поутру в город отправляюсь — скажи, чего тебе привезти вкусного?

Чанся качнул головой:

— Да ничего мне не хочется.

Пэй Яо немного подумал и произнес:

— Слыхал я, в лавке купца Юня отменное лакомство делают — зеленые бобовые коржики. Привезу тебе сверток, попробуешь.

С этими словами, не дожидаясь ответа, он легонько подтолкнул Чанся к дверям и сам прикрыл за ним створку, словно дело было решено окончательно и обсуждению не подлежало.

Избавившись от гнетущей заботы, что томила его целых полмесяца, Пэй Яо почувствовал необычайную легкость на душе. Даже когда Чэнь Чжи вышел из западных покоев и окинул его ледяным взглядом, парень лишь улыбнулся и вежливо промолвил:

— Папа, я завтра поутру в город отлучусь по делам.

— Ступай куда глаза глядят, — недовольно буркнул Чэнь Чжи.

Он вылил воду из своего таза, прислонил его к стене у крыльца и, разогнув спину, бросил взгляд сперва на западный флигель, затем на восточный. Мысленно обозвав сына упрямым чертенком, папа воротился к себе.

Как ни серчал он на Пэй Яо, а запретить мальчишкам вовсе переговариваться друг с другом было глупо и не к месту.

К тому же Чанся теперь ученый — небось, больше не позволит Пэй Яо глупости чинить.

*

В западном флигеле Чанся повернулся на другой бок и поплотнее укутался в тонкое одеяло.

Вспомнив бесстыдные речи Пэй Яо, он невольно тихонько вздохнул, но после этой беседы тяжелый камень, что давил ему на грудь, и впрямь стал чуточку легче.

*

На следующее утро.

Пэй Яо вынес из своей комнаты маленькую, изящную птичью клетку — шириной всего с ладонь, она как раз удобно ложилась на руку.

Сбитая из тонких бамбуковых прутьев, клетка вышла на диво крепкой, а внутри на жердочке сидела вырезанная из дерева пухлая синица, искусно раскрашенная в синие тона.

Во второй руке парень держал крошечное птичье гнездышко, свитое из сухих стеблей травы. В гнезде устроилась вторая деревянная синичка — наружу выглядывала лишь её округлая голова да кончик синего, задорно вздернутого хвостика.

Птичье гнездо вместе с круглобокой пичугой выглядело до того забавно и мило, что даже Чэнь Чжи, который отродясь не интересовался подобными безделушками, долго и с явным удовольствием разглядывал поделку.

Положив гнездышко на ладонь, папа с восхищением промолвил:

— Надо же, какая крошечная вещица! И как только тебе в голову пришло свить такое гнездо?

Пэй Яо задорно вскинул брови, выказывая чисто юношескую гордость. Передав клетку Чанся, он с улыбкой ответил:

— Да ничего хитрого, папа. Просто подумал, что коли добавить к птице гнездо да клетку, товар пойдет куда бойчее.

Чанся бережно принял клетку. Сидевшая внутри деревянная птичка смотрела на него упрямыми глазками-бусинками и выглядела необычайно милой.

Чэнь Чжи согласно кивнул: «И то верно, мимо такой красоты и сам бы не прошел».

Клетку и гнездо Пэй Яо мастерил в свободные от полевых трудов часы. С гнездышком дело пошло споро — за день свил, да за ночь оно просохло. А вот над клеткой пришлось попотеть несколько дней: каждую палочку надобно было обстрогать, зашкурить до блеска, да скрепить намертво. Чтобы вышло красиво, труда и времени требовалось немало.

Когда все домашние вдоволь налюбовались поделками, время уже близилось к полудню. Пэй Яо уложил клетку с гнездом в бамбуковый лоток и поспешил со двора.

Дорогу до городка Фуян он знал как свои пять пальцев и прекрасно ведал, на каких улицах

обитает богатый люд. Едва добравшись до города, он напрямик направился к улице Золотого Лотоса.

Удерживая лоток на одной руке, он пошел вдоль торговых рядов, звучно и весело зазывая покупателей:

— Деревянные птицы! Кому синиц из дерева?

<http://bllate.org/book/17875/1728847>